

ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА СПИРИДОНОВА

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
verses@onego.ru

ВАЛЕРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА САКСА

магистр Межфакультетской магистерской группы по истории стран Северной Европы, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
saksa00@mail.ru

КОНЦЕПТ ДЕТСТВА В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НА ШВЕДСКИЙ ЯЗЫК*

Проведен сравнительный анализ наиболее значимых фрагментов текста (оригинала и перевода), раскрывающих один из ключевых концептов творчества Платонова – концепт детства – на лексическом, повествовательном, сюжетном и образном уровнях. Сделан вывод, что перевод К. Линдстен ориентирован на сохранение не только платоновского слова и словосочетания, но и образа. К. Линдстен удалось донести до шведского читателя главные значения концепта детства в художественной философии автора: социально-историческое, этическое, сакрально-футурологическое, онтологическое; передать метафорический план содержания концепта детства у Платонова как в его утопическом, так и антиутопическом значениях.

Ключевые слова: художественный концепт, метафора, поэтика, перевод на шведский язык, «Котлован» А. Платонова

Интерес к творчеству русского писателя-мыслителя XX века А. П. Платонова в Швеции начала нового столетия значительно вырос: за последние восемь лет три произведения автора (повести «Котлован» и «Джан», роман «Счастливая Москва») были переведены на шведский язык. Эти переводы принадлежат перу критика и журналиста, эксперта по детской литературе, переводчика художественной литературы с русского и белорусского языков Кайсы Линдстен (Kajsa Lindsten), прекрасно знающей русскую литературу и историю. Творчество Платонова – сфера ее особых читательских и переводческих увлечений. Повесть «Котлован» в переводе К. Линдстен вышла в 2007 году (Platonov Andrey. Grundgropen / Övers. Kajsa Öberg Lindsten, 2007. 191 s.).

Перевод литературных произведений с одного языка на другой – важнейший способ взаимодействия культур. Особая трудность перевода произведений А. Платонова на другие языки заключается в том, что его образно-понятийный язык характеризуется максимальным нарушением речевой практики и литературной нормы русского языка, а также предельно высокой смысловой «нагруженностью» каждого слова. Необычайно широка концептосфера творчества А. Платонова, в которой особое место занимает концепт детства. Л. Карасев полагает, что «принцип... “детского” в мире Платонова утверждался автором настойчиво и повсеместно – к нему может быть сведен любой из постоянных мотивов писателя» [4; 124]. Именно в художественном

развертывании концепта детства наблюдается предельная метафоризация платоновского текста. Исследователи считают «Котлован» одним из «самых загадочных и самых трудных для интерпретации текстов писателя» [2; 605]. Поэтому адекватный и максимально точный перевод концепта детства в «Котловане» на другой язык так важен для понимания произведения. Актуальна сама проблема определения художественного концепта. В анализе мы исходили из того, что в художественном концепте сложно взаимодействуют универсальное, национальное и индивидуально-авторское начала. Исследователи сходятся в том, что это «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества... универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [6; 41–42].

В «Котловане» были рассмотрены наиболее значимые фрагменты, раскрывающие концепт детства на лексическом, повествовательном, сюжетном и образном уровнях. В ходе анализа были выявлены следующие семантические планы концепта детства: 1. Онтологический: детство как начальный акт «драмы великой... жизни» [9; 253]. 2. Социально-исторический: метафора «детства», развернутая на начало строительства социализма в СССР. 3. Этический: судьба ребенка – нравственный индикатор общества.

4. Сакрально-футурологический: детство как более совершенная модель человечества.

Представляется важным гендерное содержание концепта детства в повести: как в системе детских персонажей, так и в повествовательной стратегии автора. В системе детских персонажей доминируют женские. Это позволило автору сюжетно и повествовательно связать концепт детства с культурно-историческим содержанием концептов «жизнь», «родина» и «Россия», а также придать ему сакрально-футурологическое содержание. Необходимо отметить, что в русском языке все три лексемы: «Россия», «родина», «жизнь» – имеют женский род, в то время как в шведском языке они принадлежат к среднему роду. Существенную роль здесь играет формальная категория рода: в шведском языке все существительные принадлежат либо к среднему, либо к общему роду. Названия городов, провинций, стран и континентов относятся к среднему роду, поэтому К. Линдстен перевела данные существительные, руководствуясь грамматическими правилами согласования шведского языка. Слово «родина» может переводиться на шведский язык несколькими вариантами: «hemland», «hembygd», «hemtrakt» или только наречием «hemma». При этом все они имеют общий корень «hem» («дом»). Это свидетельствует о том, что понятие «родина» в шведском языке (и шире – шведской культуре) тесно связано с темой дома и цивилизации, в то время как в русском языке лексема «родина» имеет общий корень с существительными «природа» и «народ». Строители в повести Платонова роют котлован для будущего «общепролетарского дома». Образ дома имеет расширенное символическое значение: это и дом «для детей», и город будущего, и социализм как новая политическая формация в рамках не только одной страны, но и в мировом масштабе. Так, чрезвычайно важная у А. Платонова идея дома как эквивалента нового жизнеустройства сохраняется и усиливается в шведском языке.

Мотивы сиротства, отсутствия семьи и дома – из постоянно звучащих в творчестве А. Платонова. «Бессемейные» (шв. «föräldralösa») – осиротевшие дети появляются уже на первых страницах повести и лейтмотивом проходят через все произведение. Первая массовая сцена детства, изобилующая в описании метафорами, – марш сирот-пионеров. В экспозиции эпизода Платонов показывает детей, родившихся в годы Гражданской войны: «Любая из этих пионерок родилась в то время, когда в полях лежали мертвые лошади социальной войны, и не все пионеры имели кожу в час своего происхождения, потому что их матери питались лишь запасами собственного тела; поэтому на лице каждой пионерки осталась трудность немощи ранней жизни, скудность тела и красоты выражения» [8; 24]. Метафора «трудность немощи ранней жизни» говорит не только

о тяжелых условиях, в которых дети растут, но и о «тяжести» самого роста: физического, психического и духовного. Сравнивая данную метафору с переводом на шведский язык: «präglades varje pionjärflickas ansikte av sjuklighet tidigt i livet» [10; 13] (дословно: «на лице каждой пионерки отпечаталась болезненность ранней жизни»), можно отметить, что в нем сохраняется платоновская двусмысленность: это не только физическая болезненность, но и психологическая неустроенность, а также «болезненность» социальных обстоятельств. Платоновское «не все дети имели кожу в час своего происхождения» трансформируется в «некоторые девочки были невыношенными в момент своего рождения» [10; 12]. Здесь уменьшается экспрессивность выражения. Прилагательное «невыношенный» по сфере употребления тяготеет к медицине, теряя тем самым эмоциональность. В то же время, как и в тексте оригинала, подчеркивается лютый голод социальной войны, когда матери пионеров «питались лишь запасами собственного тела». Существительное «происхождение» заменено в переводе на «рождение», тем самым акцент сделан на биологическом начале жизни. В таком варианте теряется коннотация социального происхождения, исторической связи / конфликта поколений. Писателю важно показать, что пионерки – сироты, сиротством «пролетаризированные» и очищенные от возможно классово чуждого прошлого. Это девочки, удочеренные революцией. Они, ровесницы Страны Советов, уже включены в социально-политическую жизнь: они – пионерки (в шведском переводе – «pionjärflickor»). Переводчица поняла и передала мысль писателя, усилив женское начало путем сложения двух лексем – пионеры и девочки, в то время как русско-шведский словарь дает одинаковый перевод лексемы «пионеры» как в мужском, так и в женском варианте – «pionjäg». Идут они военным «точным маршем», словно мальчишки, в матросках и беретах – все, как одна: идея равенства, полноценности, символически осуществленная в мужском гендере. При переводе на шведский язык прилагательное «точный» опускается, а существительное заменяется глаголом «маршировать». Глагол заменил номинативную конструкцию, но главное содержание сохранено: «марширующие девочки» передают «мужское», «милитаристское» содержание революционного движения общества в социалистическое будущее. Передан К. Линдстен и процесс деиндивидуализации. Менее удачно переведено словосочетание «мужающие тела», где не сохранен оксюморон (в переводе: «рано созревшие тела»). Образ «мужающих девочек» в оригинале – это и страховка природы, и социальный образец. Именно таким хочет государство видеть свое будущее.

Инвалид Жачев видит в девочках «нежность революции». Эта метафора в переводе на швед-

ский трансформирована в «*revolutionens ömtåliga plantor*» (нежные/хрупкие ростки революции). Переводчик сравнивает детей с нежной молодой порослью, хрупкости девочек придан флоральный оттенок. При переводе словосочетания К. Линдстен учитывает контекст: в марше пионеров есть эпизод, когда одна девочка выбегает из строя и срывает полевой цветок. Главный герой Вошев хочет «жить впереди детей, быстрее их смуглых ног, наполненных твердой нежностью». Метафора «твердая нежность» относится по классификации О. Ахмановой к метафоре ломаной, то есть противоречивой (смешанной), приводящей к объединению логически несовместимых понятий [1; 54]. Платонов прибегает к использованию оксюморона («твердая нежность») для того, чтобы обозначить всю сложность жизни и ее восприятия. К. Линдстен использует словосочетание «*beslutsam mjukhet*» (решительная мягкость). Мягкость, в отличие от нежности, – свойство более физическое, нежели душевное. Однако перевод данного оксюморона можно рассмотреть и с другой точки зрения. Мягкость – вполне платоновский эквивалент слова «нежность». Ярко выраженная в переводе физическая характеристика важна в платоновском понимании и изображении детства. Необходимо также заметить, что лексема «мягкость» в переносном значении имеет психологический смысл (мягкосердечный человек, мягкий характер), а решительность поступков – вполне детское свойство. Детство совмещает в себе оба качества. И с этой позиции найденный переводчицей вариант точно передает концепт детства в повести «Котлован».

Главным детским персонажем повести и персонафицированной надеждой строителей на осуществление счастья и истины является девочка Настя. Она для них – живой символ будущего. Образ Насти соотносится с образом Божественного вестника, ангела, покровительствующего человеку. В атеистическом мире с ней и ее поколением строители связывают надежду на свое научное воскрешение в социалистическом будущем. Настя живет на котловане, «покинутая без родства среди людей». На социалистической стройке девочка вынуждена все время отрекаться от своего происхождения, скрывать, что ее мать Юлия – «буржуйка» (шв. – «*kvinna från borgaklassen*», дословно: «женщина из буржуазного класса»). Характеристика «покинутая без родства среди людей» на шведский язык переведена как «*ensam och övergiven bland människorna*» (одинокая и брошенная среди людей). Очевидно, что Настю нельзя считать брошенной: все строители без исключения заботятся о ней. Отступая от дословного перевода, К. Линдстен возвращается к основному мотиву Платонова – сиротству. Однако при переводе теряется важное в смысловом отношении платоновское «без родства»,

сигнализирующее о том, что государство, как ни старалось, не смогло заменить Насте родную семью и материнскую любовь.

Имя Анастасия с греческого переводится как «воскресшая / воскрешающая», означает возвращение к жизни [7; 48]. Однако судьба девочки трагически противоречит смыслу имени. Изначально образ Насти контекстуально оформлен семантикой смерти: это подвал, где умирает Юлия и вслед ей обречена и дочь буржуйки. Символичность этой ситуации отмечали многие исследователи, Н. Дужина пишет: «...повесть А. Платонова посвящена судьбе России: умершая и оставленная лежать под спудом мать Насти символизирует вечную Россию, Россию историческую, ушедшую в прошлое без возврата; сама же Настя является символом новой советской России, ставшей “сиротой” без России исторической и по этой причине погибающей» [3; 94]. По мнению Н. Малыгиной, «в метафорическом развертывании концепта детства жертвой “будущей гармонии” становится самое будущее, воплощенное в образе Насти» [5; 40].

В эпилоге «Котлована» писатель выстраивает публицистически прямую образную параллель «девочка Настя – страна-эсесерша». Платонов выражает сомнение в правильности «генеральной линии», навязанной стране: «Погибнет ли эсесерша подобно Насте...» Все детали Настиной биографии, обстоятельства появления на котловане и смерть в аллегорической форме изображают безысходность разрыва национальной истории, тревогу автора за будущее родины и социализма. В переводе на шведский сравнение, итожащее образный параллелизм «Настя – эсесерша», сохранено не в полном объеме. Вместо неологизма «эсесерша» дано официальное название страны – *Sovjetunionen* (Советский Союз), хотя в целом образная параллель: судьба девочки Насти – судьба Страны Советов в переводе К. Линдстен передана.

Очевидно, что в своей работе К. Линдстен пользовалась научным академическим изданием повести «Котлован» (2000), на что указывают наличие публицистического эпилога и полнота концепта детства в ее переводе. В этом смысле «поздний» шведский перевод К. Линдстен выгодно отличается от первых переводов повести на английский язык, так как сделаны они были с сокращенных, текстологически не выверенных публикаций «Котлована». При переводе К. Линдстен отдает предпочтение буквальному переводу, стремясь, однако, сохранить и донести до шведского читателя уникальный платоновский словообраз.

Наиболее частотно концепт детства реализован в «Котловане» посредством метафоры, которая становится концептуальным тропом, главным поэтическим механизмом в развитии темы детства. В процессе исследования были

выявлены замены переводчицей метафоры другим тропом, например эпитетом или сравнением, а также пропуск отрывка, содержащего метафору. Однако случаи, когда метафора была не переведена тем же художественным приемом, обусловлены, как показал анализ, разным культурно-историческим опытом и соответственно языковым логосом двух народов.

Художественный перевод способствует диалогу культур, и роль переводчика здесь трудно переоценить. Насколько глубоко и точно пере-

водчик овладеет не только языковой конкретикой произведения, но и «образным кодом» народа, с языка которого он переводит, а также «символическим пространством» языка автора, настолько успешен или неуспешен будет процесс культурной коммуникации. И здесь перевод К. Линдстен можно признать высококачественным, ибо в ее переводе до шведского читателя донесен очень важный у Платонова метафорический план концепта детства как в его утопическом, так и антиутопическом значении.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А х м а н о в а О. С. Словарь лингвистических терминов. 3-е изд., стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2005. 576 с.
2. Вьюгин В. Ю. Чевенгур и Котлован: становление стиля Платонова в свете текстологии // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. М.: Наследие, 2000. С. 605–624.
3. Ду ж и н а Н. И. Вымысел, основанный на реальности. Приметы сталинского быта в повести А. Платонова «Котлован» // Вопросы литературы. 2008. № 2. С. 79–114.
4. К а р а с ё в Л. В. Движение по склону: о сочинениях А. Платонова // Вопросы философии. 1995. № 8. С. 123–143.
5. М а л ы г и н а Н. М. Спасти навек в пропасти «Котлована» // Русская словесность. 1997. № 4. С. 36–41.
6. М и л л е р Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.
7. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966. 385 с.
8. Платонов А. П. Котлован: текст, материалы творческой истории. СПб.: РАН ИРЛИ: Наука, 2000. 384 с. (Текст оригинала цитируется по этому изданию.)
9. Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: Наследие, 2000.
10. P l a t o n o v A. Grundgropen / Övers. Kajsa Öberg Lindsten. Stockholm, Ersatz, 2007. 191 s. (Шведский перевод цитируется по этому изданию.)

Spiridonova I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Saksa V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CONCEPT OF CHILDHOOD IN A. PLATONOV'S SHORT NOVEL "THE PIT": PROBLEM OF TRANSLATION INTO SWEDISH

The focus of the research is the concept of childhood in Andrey Platonov's short story "Kotlovan (The Pit)" and a problem of translating the work into Swedish (Grundgropen. Övers. Kajsa Öberg Lindsten, 2007). Comparative study of the most significant text parts (original and translation) unfolding one of the key concepts of Platonov's works – the concept of childhood – was carried out on the lexical, narrative, plot, and image levels. A conclusion was drawn that K. Lindsten's translation was targeted not only at preservation of Platonov's words and phrases but also at preservation of the author's image. K. Lindsten succeeded in delivering to the Swedish reader the main values of the author's childhood from the stand point of artistic philosophy: social-historical, ethical, sacral-futurological, ontological. He also succeeded in reproducing a metaphoric plan of Platonov's concept of childhood both in its utopian and anti-utopian meanings.

Key words: artistic concept, metaphor, poetics, translation into Swedish language, "Kotlovan (The Pit)" by Andrey Platonov

REFERENCES

1. A h m a n o v a O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005. 576 p.
2. V ' y u g i n V. Yu. "Chevengur" and "the Pit": the formation of Platonov's style in light of textology [Chevengur i Kotlovan: stanovlenie stilya Platonova v svete tekstologii]. "Strana filosofov" Andreya Platonova: Problemy tvorchestva. Vyp. 4 ["The country of the philosophers" Andrey Platonov: Problems of creation. Is. 4]. Moscow, Nasledie Publ., 2000. P. 605–624.
3. D u z h i n a N. I. Invention, based on reality. Signs of Stalin way of life in the narrative by A. Platonov "The Pit" [Vymysel, osnovanny na real'nosti. Primety stalinskogo byta v povesti A. Platonova "Kotlovan"]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 2008. № 2. P. 79–114.
4. K a r a s e v L. V. Motion along the slope: on A. Platonov's compositions [Dvizhenie po sklonu: o sochineniyakh A. Platonova]. *Voprosy filosofii* [Questions of the of the Philosophy]. 1995. № 8. P. 123–143.
5. M a l y g i n a N. M. To rescue forever in the precipice of "The Pit" [Spastis' naveki v propasti "Kotlovana"]. *Russkaya slovesnost'* [Russian literature]. 1997. № 4. P. 36–41.
6. M i l l e r L. V. Artistic concept as a semantic and aesthetical category [Hudozhestvennyy kontsept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya]. *Mir russkogo slova* [Peace of the Russian word]. 2000. № 4. P. 39–45.
7. P e t r o v s k i y N. A. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow, 1966. 385 p.
8. P l a t o n o v A. P. *Kotlovan: tekst, materialy tvorcheskoy istorii* ["The Pit": text, creative story materials]. St. Petersburg, RAN IRLI: Nauka Publ., 2000. 384 p.
9. P l a t o n o v A. *Zapisnye knizhki. Materialy k biografii* [Notebooks. The biography]. Moscow, Nasledie Publ., 2000.
10. P l a t o n o v A. Grundgropen / Övers. Kaysa Öberg Lindsten. Stockholm, Ersatz, 2007. 191 s.

Поступила в редакцию 01.11.2013